

Мегаломания кино

Валерий Тодоровский: «Режиссер создает мир, в котором есть все, кроме запахов»

Независимая - 2004 - 28 мая - с. 13-14

Сергей Шаповал

Валерий Тодоровский прославился не только как кинорежиссер, но и как продюсер телевизионных сериалов, создаваемых на телеканале «Россия». Недавно с большим успехом прошел многосерийный фильм «Идиот», в создании которого он принимал участие, а в ближайшее время на кинофестивале «Кинотавр» состоится премьера его новой полнометражной картины «Мой сводный брат Франкенштейн». Но нас интересовали не свершения и не перспективы свежего произведения, а специфика деятельности в насколько похожих, настолько и разных сферах творчества.

Валерий, могли бы вы определить понятие «современный кинематограф»?

— Я не киноведец, слово «кинопроцесс», которым оперируют кинокритики и журналисты, для меня остается странным и непонятным. Для меня современное кино — это некоторое количество фильмов, которые мне интересны, это некоторое количество режиссеров, фильмы которых я бегу смотреть, как только они появляются на экранах. Честно говоря, это все. Несколько раз я попытался ответить на подобный вопрос, делал серьезное лицо, что-то говорил о тенденциях, но потом понял, что Бог не дал мне таланта анализа. Поэтому я руководствуюсь своим вкусом.

— Какие фильмы и режиссеры последнего времени вам показались интересными?

— Я очень люблю картины Такеши Китано, он меня каждый раз удивляет. Мне очень понравился фильм «21 грамм», который поставил мексиканский режиссер, прославившийся картиной «Сука любовь». Из наших фильмов я бы выделил «Кукушку» и «Бумер». Хороших фильмов, с одной стороны, мало, а с другой — они появляются каждый год. Я за ними слежу. Вообще я киноман, очень люблю смотреть кино.

— А что вы любите больше: делать кино или смотреть его?

— Для меня это одно и то же. Это образ жизни. Увиденный хороший фильм меня вдохновляет. Я знаю людей, которых значительное произведение может вогнать в депрессию: «Я так никогда не сделаю!» У меня же, сколько себя помню, после хорошего фильма начинают чесаться руки. Я понимаю, что остается еще масса нерассказанных историй. Для меня это мощный допинг.

— То есть вы не испытываете зависти?

— У меня возникает «белая» зависть, когда я вижу совершен-

Киноман Валерий Тодоровский.

Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

Бродвеем» Вуди Аллена. Я говорю о современном кино, а есть еще и киноклассика.

— Некоторое время назад вы разговаривали с Егором Кончаловским, а потом с его отцом. Егор полон замыслов и оптимизма, Кончаловский-старший говорит о кризисе

ли в эпоху, когда в кинотеатры стояли толпы. Они выпускали новый фильм — и по всей стране люди его смотрели. Это счастье. Сейчас ситуация иная, поэтому в телевидении они видят выход к зрителю, к которому они привыкли. Телевизионный фильм одновременно смотрят 30–40

свежей крови в наш кинематограф, сейчас этот приток состоялся. Кто-то с оптимизмом смотрит в будущее, но есть и скептики, позиция которых описывает формула Иосифа Бродского: «То, что считается свежей кровью, всегда оказывается в итоге обычной старой мочой».

— Если посмотреть на успехи последних лет, большинство из них связаны с дебютантами: Буслев, Звягинцев, Герман-младший. Что это, как не свежая кровь? Окажется ли она старой мочой, предстоит понять. Но пока что каждый год новыми людьми снимается три-четыре картины. Это немало. Трудно строить прогнозы. Кто-то говорит: нужно, чтобы в год появлялось двадцать хороших картин, а у нас их только три. Но посмотрите на Голливуд, сколько достойных фильмов выходит там за год?

— Вот уже несколько лет вы находитесь в двойственном положении: одной рукой вы делаете фильмы, другой — наладил железный поток сериалов. В чем, по-вашему, за-

ключается основная пагуба сериалов?

— Ничего нового не скажу. Телевидение всегда будет делать то, что хотят смотреть люди. С этим нужно смириться. В отличие от кино, где возможен уход в сторону узкого круга зрителей, телевидение не имеет права создавать то, что будет интересно немногим. С одной стороны, это живая ситуация, а с другой — нужно честно признаться: массы людей хотят чего-то незатейливого и их вкус не всегда высок. Сериалы являются мучительным поиском компромисса между попыткой сделать нечто хорошее и угодить самому низкому вкусу. Надо отдавать себе отчет в том, что эстеты миллионы не исчисляются. Поэтому достойные сериалы зачастую проваливаются, а недостойные — выигрывают. Журналисты, которые, по моему мнению, чаще всего находятся в отрыве от действительности, никак не могут понять, почему сериалы не так, как фильмы Тарковского.

— Вам удается гармонизировать два ваших занятия?

— То, о чем я сказал, — драма телевидения. Но я пытаюсь, учитывая массового зрителя и принимая правила игры, рассказывать истории, которые для меня лично представляют ценность. Иногда это получается, иногда — нет. С фильмом «Идиот» мы получили успех и кучу наград, но я прекрасно понимаю, что такой сериал можно делать один раз в пять лет. Нельзя человека триста дней в году кормить Достоевским.

— То есть между двумя вашими ипостасями противоречия нет?

— Нет. Как только я поймаю себя на том, что утро я должен прожить одним Валерием Тодоровским, а после двух часов, переклотив рубильник, стать циничным телевизионным продюсером, я изменю свою жизнь. От такого раздвоения личности я просто погибну. Драматический момент заключается в том, что сериал, который, по моему убеждению, должен иметь успех, его не имеет. Чаще всего я получаю объяснение: слишком сложно, надо еще проще.

— Но путь к простоте — путь к дисквалификации.

— Если я почувствую, что она наступает, буду делать выбор.

— Детский вопрос: зачем вы снимаете кино?

— Я не думаю, что кто-то может ответить на этот вопрос.

— Я встречал тех, кто отвечает.

— Давайте сойдемся на том, что это попытки ответить. Я снимаю кино потому, что очень хочется.

— Хочется чего?

— Многого. Хочется еще раз побывать в этом процессе. Хочется ощутить, когда из ничего кусочками ты выстраиваешь целый мир. Эта профессия меня притягивает своей мегаломанической сущностью: ты создаешь мир, в котором есть все, кроме запахов. Это сильный наркотик. С другой стороны, может случиться огромная радость, когда ты обнаруживаешь, что полный зал молча смотрит твой фильм, что ты «взял» людей, их эмоции и внимание. Это тоже сильное ощущение, которое хочется испытывать еще и еще. Вот чего у меня нет, так это ощущения предназначения или миссии.

— На этапе замысла и съемок вы учитываете зрителя или для вас важен сам процесс?

— Я о зрителе помню. Я не работаю под него, а именно помню. Мне как кинозрителю не нравятся вялое кино. Поэтому я пытаюсь интересно рассказать свою историю. Я сижу ночами перед съемками, убираю лишнюю сцену, лишнюю фразу. Очень важно найти нужную форму, понять, что этот фильм не может быть длиннее полутора часов, а этот — только два часа. Что меня не устраивает в театре? Отсутствие необходимой и достаточной компактности. Даже хороший спектакль может идти четыре с половиной часа! Я себе такого позволить не могу. Почти в каждом фильме я вырезал двести нестыдные сцены в угоду целому. Я понимал: если их оставить, изменится способ рассказа.

— Вы оперируете понятием «элитарное кино»?

— Нет. Более того, для меня элитарное кино — синоним плохого кино. Я не считаю себя ни идиотом, ни безвкусным человеком. Если мне фильм смотреть неинтересно, для меня он плохой, даже если его трижды объявили элитарным. Правда, я не знаю, кто в эту элиту входит. Я с одинаковым интересом могу смотреть и простые триллеры, и фильмы Сокурова.

ОКОНЧАНИЕ НА СТ. 14

Конфетные обертки или реклама — это тоже вид искусства. Нужно трезво смотреть на мир

ный фильм. Восхищение подвигает меня к работе.

— Можете привести примеры совершенных, с вашей точки зрения, фильмов?

— Их очень много. Я думаю, что совершенен фильм «Кабаре» Боба Фосса. В нем невозможно поменять что-либо. В этот ряд я бы поставил картину Глеба Панфилова «Начало». Безукоризненным считаю «Пули над

кинематографа и важнейшим из искусств сегодня считает телевидение. Что вы можете сказать на этот счет?

— Это нормальное движение разных людей в разных направлениях. Например, любимый мною Александр Наумович Митта тоже говорит о торжестве телевидения. Дело в том, что и Андрей Кончаловский, и Митта большую часть своей жизни прожи-

ли в эпоху, когда в кинотеатры стояли толпы. Они выпускали новый фильм — и по всей стране люди его смотрели. Это счастье. Сейчас ситуация иная, поэтому в телевидении они видят выход к зрителю, к которому они привыкли. Телевизионный фильм одновременно смотрят 30–40

миллионов зрителей, это дорогого стоит. За это и я люблю телевидение. Но я принадлежу к другому поколению, как режиссер я не застал большой советский кинематограф, поэтому мне кажется, что в кино у нас еще есть шанс. К тому же, несмотря на все разговоры, Андрей Сергеевич снимает фильмы регулярно.

— В начале 90-х много говорили о необходимости притока

Мегаломания кино

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТ. 13

— Ваши фильмы получали призы на разных фестивалях, вы были председателем жюри на «Кинотавре», у вас остались неудовлетворенные амбиции?

— Режиссер живет от фильма к фильму. Главная моя амбиция — снять еще один фильм. А потом еще один. Все остальное — следствие. Конечно, хочется, чтобы он шел во всех кинотеатрах, чтобы о нем хорошо писали в газетах, чтобы ему давали разные призы. Но главное — стремление снять следующий фильм. Это большая амбиция, я уже говорил о мегаломании, заложенной в профессии.

— Чье мнение о снятом фильме для вас важно?

— У меня есть круг близких людей, чей вкус является для меня авторитетным. В него входят мои родители, мой сын, друзья. С ними я могу серьезно разго-

варивать. Но и мнение публики для меня отнюдь не последнее.

— Скажите пару слов о вашем новом фильме.

— Он называется «Мой сводный брат Франкенштейн», его премьера состоится на «Кинотавре». Этот фильм, как мне кажется, не похож на то, что я делал раньше. Это современная история, главную роль играет новый артист Даниил Спиваковский, заняты в фильме две наши звезды — Лена Яковлева и Леонид Ярмольник. Дальше — смотрите фильм.

— Хочу вернуться к вашей работе на телевидении. Какие у вас здесь перспективы?

— У меня сейчас появилось ощущение, что я прошел свой первый этап на телевидении — этап обучения. Дальше мне нужно будет принимать какие-то решения. Первый пуд соли я съел, не хотелось бы превратить это в рутину и просто

день изо дня выполнять свои обязательства. Мне необходимо движение вперед — осмысленное, профессиональное, грамотное. Признаюсь вам, я сейчас размышляю на эту тему.

— Вы закончили этап обучения на телевидении, чему оно вас научило?

— Самое страшное и одновременно самое замечательное, что есть на телевидении, — это рейтинг. Всякий, кто профессионально занимается телевидением, начинает свой день с просмотра рейтингов. В зависимости от них настроение человека либо падает до нуля, либо взлетает. Это тот вид деятельности, который дает моментальную отдачу. Для меня важно, что телевидение дисциплинирует, поворачивает тебя лицом к реальности, заставляет думать, для кого и что ты делаешь. Я имею в виду работу продюсера. Продюсер в

отличие от режиссера должен четко понимать, что делать, зачем и для кого. Для меня это основное определение продюсера. Одной из проблем нашего кино последних лет является отсутствие внятности, понимания, что ты делаешь и зачем. Я видел очень много фильмов, проблема которых не в бездарности авторов, не в плохой игре артистов, а в отсутствии изначальной продюсерской идеи. В результате получается картина не авторская, не коммерческая, не зрительская, а никакая. Телевидение себе этого не позволяет.

— А вы не находите, что все эти рейтинги превращаются в спортивные показатели: мы на долю впереди сериала с соседнего канала.

— Нет. Это грубое и жестокое измерение реальности, в которой ты живешь. Если вы посмотрите рейтинги за год, вы

увидите, что люди смотрели, что у них вызвало реакцию. Это не вопрос, кто добежал первым, ты понимаешь, что вокруг тебя происходит. Я не хочу сказать, что только так и нужно, что этот принцип должен распространяться на все сферы человеческой деятельности, включая живописца, пишущего портрет у себя в мастерской. Но для меня как для кинорежиссера эта дисциплина очень важна.

— Телевизионщики, почесывая собственное самолюбие, любят порассуждать на тему: телевидение — это искусство. Вы согласны с этим?

— Да. Это специфический вид массового искусства. Конфетные обертки или реклама — это тоже вид искусства. Они имеют свой дизайн, стиль. Иногда стиль, формирующий целое поколение. Нужно трезво смотреть на мир.